

Серия «Науки о Земле»
2023. Т. 45. С. 68–79
Онлайн-доступ к журналу:
<http://izvestiageo.isu.ru/>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 913:911.6(571)

<https://doi.org/10.26516/2073-3402.2023.45.68>

Выделение основных элементов территориальной структуры этнокультурного пространства Азиатской России конца XIX столетия

А. Г. Манаков*

Псковский государственный университет, г. Псков, Россия

Аннотация. Исследуются разрабатываемые российскими географами концепции этнокультурного пространства и этноконтактных зон, дальнейшее развитие которых предполагает поиск новых научных подходов и методик. Предложены новые картографические приемы выделения элементов территориальной структуры этнокультурного пространства России на примере регионов Сибири и Дальнего Востока по итогам Первой всеобщей переписи населения 1897 г. Для этого этнические общности данной территории на рубеже XIX–XX вв. объединены в две группы метаэтнического уровня. Первая метаэтнокультурная общность охватывает коренные народы Азиатской России (североазиатский культурный мир), вторая – переселенцев в Сибирь и на Дальний Восток из европейской части страны (восточноевропейский культурный мир). Определены границы ядер данных культурных миров и контактных зон между ними, для чего используется количественный показатель – индекс метаэтнокультурной неоднородности, являющийся аналогом индекса этнической мозаичности, предложенного Б. М. Эккелем. Составлена картосхема, на которой отражены сразу две количественные характеристики – соотношение удельного веса представителей двух рассматриваемых культурных миров и величина индекса метаэтнокультурной однородности. Сделан вывод, что данная картосхема является более информативной по сравнению с картосхемой, опирающейся исключительно на величину индекса метаэтнокультурной неоднородности.

Ключевые слова: первая всеобщая перепись, культурные миры, контактные зоны, индекс метаэтнокультурной неоднородности, картографический метод.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта № 23-17-00005 «Этноконтактные зоны на постсоветском пространстве: генезис, типология, конфликтогенность».

Для цитирования: Манаков А. Г. Выделение основных элементов территориальной структуры этнокультурного пространства Азиатской России конца XIX столетия // Известия Иркутского государственного университета. Серия Науки о Земле. 2023. Т. 45. С. 68–79. <https://doi.org/10.26516/2073-3402.2023.45.68>

Original article

Selecting the Main Elements of the Territorial Structure of the Ethnocultural Space of Asian Russia at the End of the 19th Century

A. G. Manakov*

Pskov State University, Pskov, Russian Federation

© Манаков А. Г., 2023

* Полные сведения об авторе см. на последней странице статьи.
For complete information about the author, see the last page of the article.

Abstract. The relevance of this study is associated with the concepts of ethnocultural space and ethnocontact zones being developed by Russian geographers. Further development of these concepts involves the search for new research approaches and techniques. First of all, this concerns cartographic research methods, which are key in identifying the main elements of the territorial structure of the ethno-cultural space – cores and contact zones. The aim of the study is to develop new cartographic techniques for identifying elements of the territorial structure of the ethno-cultural space of Russia on the example of the regions of Siberia and the Far East based on the results of the First General Population Census of 1897. For this, the ethnic communities of this territory at the turn of the 19th–20th centuries grouped into two meta-ethnic levels. The first meta-ethno-cultural community covers the indigenous peoples of Asian Russia (North Asian cultural world), the second – immigrants to Siberia and the Far East from the European part of the country (East European cultural world). The boundaries of the nuclei of these cultural worlds and the contact zones between them are determined, for which a quantitative indicator is used – the index of meta-ethno-cultural heterogeneity, which is an analogue of the ethnic mosaic index proposed by B. M. Eckel. A map has been drawn up, which reflects two quantitative characteristics at once – the ratio of the proportion of representatives of the two considered cultural worlds and the value of the index of meta-ethno-cultural homogeneity. This map is more informative than the one based solely on the value of the index of meta-ethno-cultural heterogeneity.

Keywords: first general census, cultural worlds, contact zones, index of meta-ethno-cultural heterogeneity, cartographic method.

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation within project No. 23-17-00005 “Ethnic contact zones in the post-Soviet space: genesis, typology, conflict potential”.

For citation: Manakov A.G. Selecting the Main Elements of the Territorial Structure of the Ethnocultural Space of Asian Russia at the end of the 19th Century. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Earth Sciences*, 2023, vol. 45, pp. 68–79. <https://doi.org/10.26516/2073-3402.2023.45.68> (in Russian)

Введение

В настоящее время в отечественной этнической и культурной географии достаточно активно используется количественный показатель, позволяющий оценить пестроту национального состава населения на уровне политических образований и административных единиц, а именно индекс этнической мозаичности, предложенный Б. М. Эккелем полвека назад. Этот показатель нашел свое применение в разрабатываемых российскими географами концепциях этнокультурного пространства и этноконттактных зон. Развитие данных концепций предполагает поиск новых исследовательских подходов и методик. В первую очередь это касается картографических методов исследования, которые являются ключевыми при выделении основных элементов территориальной структуры этнокультурного пространства.

Целью исследования является разработка новых картографических приемов выделения элементов территориальной структуры этнокультурного пространства на примере Сибири и Дальнего Востока России конца XIX в.

В качестве информационной базы исследования выступает статистика по родному языку на уровне округов губерний и областей Азиатской России по итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.¹

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по родному языку и уездам Российской империи кроме губерний Европейской России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php (дата обращения: 15.12.2022).

Исходные предпосылки

Изучению формирования населения Сибири и Дальнего Востока посвящено достаточно много исследований, особенно проведенных историками и этнографами. В них обращается внимание как на этническую историю этих регионов, так и на формирование современного национального состава населения (например, [Воробьев, 1975, 1977; Кабузан, 1990, 1992; Koptseva, 2016; Балахнина, 2018; Буфетова, Коломак, Хржановская, 2018; Пивнева, 2020; Bezrukov, Razmakhina, 2021; Determining the area ... , 2022] и др.). К этим работам можно добавить публикации этногеографов, посвященные анализу динамики этнической структуры населения России на региональном уровне, где также большое внимание уделяется азиатской части страны (например, [Safronov, 2015; Streletsky, 2017; Belozarov, Cherkasov, 2017] и др.). Хотя нужно отметить, что большинство работ географов нацелено на изучение изменения этнического состава населения этих регионов в советский и постсоветский периоды, и достаточно редки историко-географические исследования, включающие соответствующий анализ в дореволюционный период (например, [Кабузан, 1990, 1992; Манакон, 2018, 2019] и др.).

В обозначенных работах, особенно в трудах культур-географов, часто используются такие понятия, как «этническое пространство» и «этнокультурное пространство». Этнокультурное пространство в культурной географии рассматривается как совокупность взаимодействующих геокультурных систем, которые, в частности, включают и геокультурные общности людей разного порядка [Манакон, 2018, с. 4]. Этнокультурное пространство многослойно и одним из его важнейших слоев является этнический (или этническое пространство). Также важно отметить, что этническое пространство, как и этнокультурное, обладает целым рядом характеристик (зональность, секторность, концентричность, мозаичность, иерархичность и др.) и имеет определенную территориальную структуру (по мнению разных авторов, включающую, например, ядро, периферию, иноэтнические регионы, этноконтактные зоны и т. д.) [Суший, Дружинин, 1994; Стрелецкий, 1999; Манакон, 2018].

Этнокультурное пространство России можно рассмотреть также и сквозь призму выделяемых в отечественной этнологии историко-этнографических областей. Согласно концепции хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических (историко-культурных) областей М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова [1955] азиатская часть России делится на две историко-этнографические провинции – Сибирскую и Дальневосточную, в состав которых входит в общей сложности шесть историко-этнографических областей. Можно согласиться с мнением Н. А. Томилова, специалиста по истории тюркоязычного населения Западной Сибири, что объект этнографической науки нужно в большей мере связывать не с понятием «историко-этнографическая область», а с «историко-этнографической общностью» [Томилов, 2004]. Если границы историко-этнографической области более устойчивы во времени, так как их формирование имеет природные предпосылки, то территории реального расселения историко-

этнографических общностей азиатской части России более подвижны, на что влияют миграции населения из европейской части государства. Первоначально формируются зоны этнического контакта с выходцами из европейской части страны, а в последующем на отдельных территориях историко-этнографических областей происходит полная замена местного населения переселенцами.

С целью выделения элементов территориальной структуры этнического (этнокультурного) пространства азиатской части России на макроуровне нами предложено объединить этнические общности данной территории на рубеже XIX–XX вв. в две группы метаэтнического уровня. Местные историко-этнографические общности Сибири и Дальнего Востока предлагается рассматривать как *североазиатский культурный мир*, охватывающий народы Севера с традиционными культурами, а также некоторые народы Востока с мусульманской религией, буддизмом и т. п. Этнические общности, пришедшие в Сибирь и на Дальний Восток из европейской части страны, можно рассматривать в рамках *восточноевропейского культурного мира*, куда входят в основном народы с христианской (православной, католической и протестантской) религией, а также, в меньшей степени, народы с другими традиционными религиями, основной ареал расселения которых находится в Восточной Европе.

Методика исследования

Наиболее важными, по мнению большинства исследователей, элементами территориальной структуры этнического пространства являются ядра и этноконтактные зоны. Для разграничения этих элементов, а точнее, для выделения и определения степени сложности этноконтактных зон, в культурной географии используется такой показатель, как индекс этнической мозаичности (ИЭМ), предложенный Б. М. Эккелем [1976], который рассчитывается по формуле:

$$ИЭМ = 1 - \sum_{i=1}^N (n_i)^2,$$

где N – число национальностей в регионе, n_i – доля (частота) i -й национальности во всем населении региона.

В зарубежной литературе, а также в работах российских экономистов, изучающих влияние этнической неоднородности регионов и стран на их экономическое развитие, данный показатель чаще всего называют индексом этнической или этнолингвистической фракционализации [Montalvo, Reynal-Querol, 2002; Posner, 2004; Campos, Saleh, Kuzeyev, 2011; Casey, Owen, 2014; Fedderke, Luiz, de Kadt, 2014; Papyrakis, Mo, 2014; Churchill, 2019; Bufetova, Khrzhanovskaya, Kolomak, 2020].

В соответствии с величиной данного показателя, этноконтактные зоны (ЭКЗ) предлагается делить на *неярко выраженные* (ИЭМ от 0,2 до 0,4) и *ярко выраженные* (ИЭМ свыше 0,4) [Манаков, 2018]. Также на основе расчета ИЭМ можно осуществить разделение всего этнического пространства на следующие компоненты: 1) *моноэтническое ядро* (ИЭМ менее 0,2, хотя здесь

возможно также выделение территорий с ИЭМ менее 0,1 – с *явным доминированием* преобладающего этноса, и с ИЭМ от 0,1 до 0,2 – с *сильным доминированием* преобладающего этноса); 2) *слабо выраженные ЭКЗ* (с ИЭМ от 0,2 до 0,4); 3) *ярко выраженные ЭКЗ* (с ИЭМ от 0,4 до 0,5); 4) *наиболее ярко выраженные ЭКЗ* (с ИЭМ свыше 0,5). Именно такая классификация ЭКЗ принята в данном исследовании.

Однако так как в качестве основных субъектов межэтнического взаимодействия в нашем исследовании рассматриваются только две метаэтнокультурные общности (североазиатский и восточноевропейский культурные миры), то предлагается данный показатель называть не индексом этнической мозаичности, а *индексом метаэтнокультурной неоднородности (ИМН)*. Соответственно, противоположный ему показатель (равнозначный *ИЭМ–1*), который также используется в данном исследовании, можно назвать *индексом метаэтнокультурной однородности (ИМО)*.

Результаты исследования и их обсуждение

Итоги наших предшествующих исследований [Манаков, 2018, 2019] позволяют отождествлять лингвогруппы (по родному языку) по результатам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. с соответствующими этническими сообществами. На уровне округов губерний и областей Азиатской России по итогам переписи 1897 г. был рассчитан индекс метаэтнокультурной неоднородности (рис. 1), который учитывает разделение этнических сообществ этих территорий на два культурных мира – североазиатского (коренные народы) и восточноевропейского (население, пришедшее из европейской части страны).

В соответствии с величиной ИМН, территорию Сибири и Дальнего Востока можно разделить на два основных компонента территориальной структуры этнокультурного пространства: 1) ядра культурных миров (ИМН менее 0,2); 2) контактные зоны культурных миров разной степени выраженности (ИМН свыше 0,2). Неудобство показателя ИМН, как и его прототипа ИЭМ, связано с тем, что он не позволяет различать на карте, к какому собственно культурному миру относится территория, выделенная в качестве «ядра». В данном случае эту задачу выполняет оконтуривание с помощью линий разных цветов каждого из ядер двух культурных миров: синим цветом – североазиатского культурного мира, красным – восточноевропейского. Задача такого типа вполне выполнима, если рассматривается территориальное взаимодействие только двух этнических (метаэтнокультурных) сообществ.

Как видно на рис. 1, ядро североазиатского культурного мира, включающее почти незатронутые колонизацией из Европы земли, в конце XIX в. охватывало большую часть Восточной Сибири (современная территория Якутии) и север Дальнего Востока (западное побережье Охотского моря и п-ов Чукотка). Ядро восточноевропейского культурного мира, т. е. территории, освоенные переселенцами из европейской части страны, тянулось в виде пояса от Южного Урала до оз. Байкал, и в виде небольшого островка примыкало к р. Аргунь в Забайкалье. Данный пояс-ядро обрамлялся метаэтнокуль-

турными контактными зонами разной степени выраженности как с юга (в Южной Сибири, Предбайкалье и Забайкалье), так и с севера (север Западной и Средней Сибири). Также контактную зону представляли собой юг Дальнего Востока, о. Сахалин, п-ов Камчатка и бассейн р. Колымы.

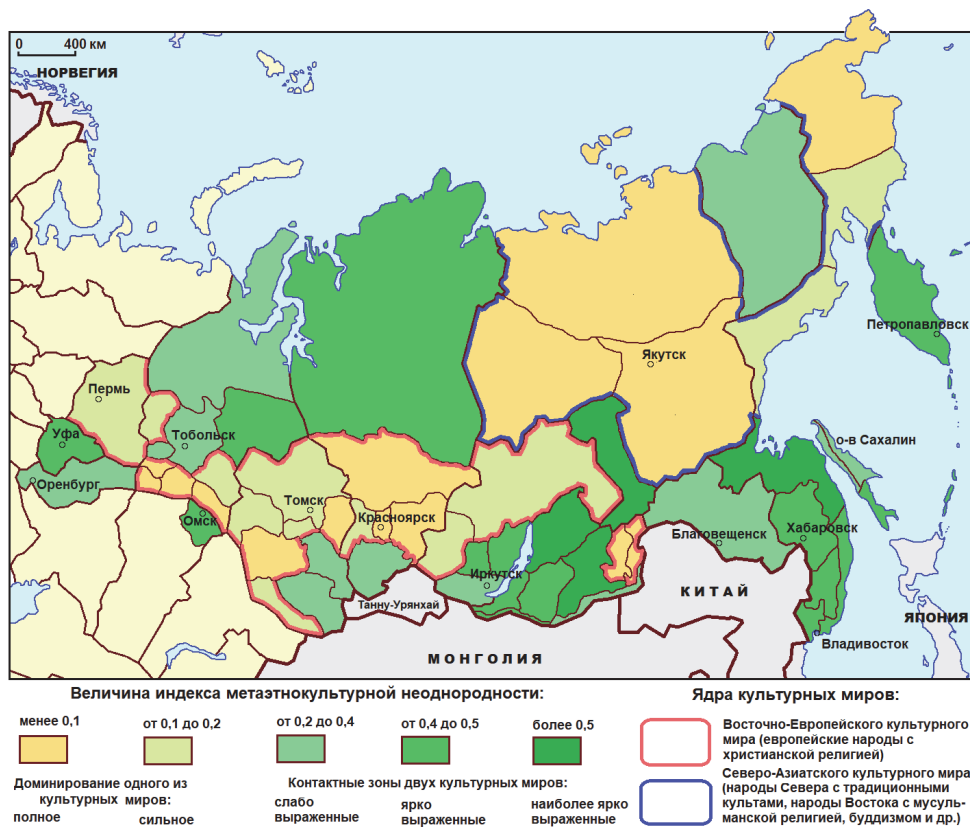

Рис. 1. Величина индекса метаэтнокультурной неоднородности и ядра восточноевропейского и североазиатского культурных миров в Сибири и на Дальнем Востоке по итогам переписи населения Российской империи 1897 г.

Следует согласиться с точкой зрения Н. К. Терениной [2022], которая обозначила преимущества картографического анализа двухкомпонентных этноконтактных зон, на которые можно разложить более сложные (многокомпонентные) ЭКЗ. Так, при изучении двухкомпонентных этноконтактных зон появляется возможность отображать на карте качественным фоном этнический компонент с более высокой долей. Методику анализа двухкомпонентных этноконтактных зон Н. К. Теренина апробировала с помощью предложенного ей же индекса этнической контактности (ИЭК), который отражает вероятность встречи представителей двух национальностей на конкретной территории. По сути, ИЭК является вариантом ИЭМ, служащим для изучения двухкомпонентных этнических систем. В нашем исследовании в качестве аналога двухкомпонентной ЭКЗ выступает метаэтнокультурная кон-

тактная зона между двумя культурными мирами Сибири и Дальнего Востока – североазиатским (коренные народы) и восточноевропейским (выходцы из европейской части страны).

На рис. 2 применен картографический прием, который позволяет более наглядно отобразить территориальную структуру этнокультурного пространства Сибири и Дальнего Востока в конце XIX в. Во-первых, вместо ИМН используется обратный ему показатель – индекс метаэтнокультурной однородности (ИМО), что дает возможность более интенсивными цветами выделять не контактные зоны, а ядра культурных миров. Последние, в свою очередь, разделены контактными зонами разной степени выраженности, имеющими на карте более светлую тональность. В нашем случае выделено три уровня контактных зон: 1) слабо выраженные (ИМО от 0,6 до 0,8); 2) ярко выраженные (ИМО от 0,5 до 0,6); 3) наиболее ярко выраженные (ИМО менее 0,5). Во-вторых, на карте качественным фоном (синим или оранжевым) отображается один из метаэтнокультурных компонентов (представителей североазиатского или восточноевропейского культурного мира), имеющий более высокий удельный вес в населении административных единиц Сибири и Дальнего Востока конца XIX в.

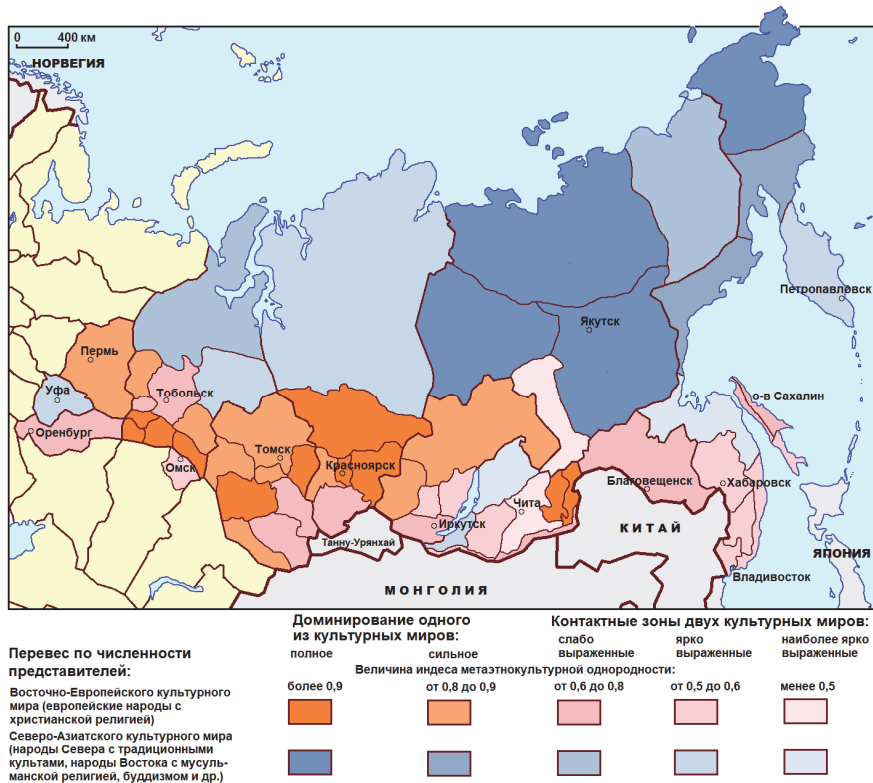

Рис. 2. Величина индекса метаэтнокультурной однородности и контактные зоны восточноевропейского и североазиатского культурных миров в Сибири и на Дальнем Востоке по итогам переписи населения Российской империи 1897 г.

В случае перевеса населения, представляющего североазиатский культурный мир (коренные народы Сибири и Дальнего Востока), использована цветовая гамма с синими оттенками, в случае же перевеса представителей восточноевропейского культурного мира (выходцев из европейской части страны) – цветовая гамма с оранжевыми оттенками. Благодаря этому можно проследить границу в виде волосистой линии между двумя этими культурными мирами. Вместе с тем хорошо различимы ядра этих культурных миров (более яркая окраска), а также их контактные зоны разной степени выраженности (интенсивность окраски снижается по мере нарастания степени выраженности контактных зон).

Пояс с перевесом представителей восточноевропейского культурного мира уже к концу XIX в. протягивался без разрывов в южной части Азиатской России – от Южного Урала до Приморья и Сахалина. На Севере Сибири и Дальнего Востока сохранялся перевес коренного населения этих территорий. В южной части Сибири островок с небольшим избытком коренных жителей (бурятов) удерживался только к востоку от оз. Байкал.

Картосхема, на которой отражены сразу две количественные характеристики (соотношение долей представителей двух рассматриваемых культурных миров и величина индекса метаэтнокультурной однородности), является более информативной по сравнению с картосхемой, представленной на рис. 1. Она же визуально воспринимается намного лучше и потому более удобна для картографического анализа. Единственный ее недостаток – визуально несколько «теряются» контактные зоны, имеющие менее яркую окраску, чем ядра культурных миров. По этой причине для картографического анализа собственно контактных зон лучше использовать индекс метаэтнокультурной неоднородности (ИМН как аналог ИЭМ Б. М. Эккеля), где яркость окраски возрастает по мере роста степени выраженности контактных зон.

Выводы

Для выделения элементов территориальной структуры этнокультурного пространства Сибири и Дальнего Востока России на макроуровне этнические общности данной территории на рубеже XIX–XX вв. в данном исследовании были объединены в две группы метаэтнического уровня. Первая метаэтнокультурная общность охватывает коренные народы Азиатской России (североазиатский культурный мир), вторая – переселенцев в Сибирь и на Дальний Восток из европейской части страны (восточноевропейский культурный мир). В качестве количественного показателя с целью выделения разных элементов этнокультурного пространства использовался индекс метаэтнокультурной неоднородности (ИМН), являющийся аналогом индекса этнической мозаичности (ИЭМ), предложенного Б. М. Эккелем. Противоположный ИМН показатель назван индексом метаэтнокультурной однородности (ИМО = ИЭМ – 1).

В соответствии с величиной ИМН, на территории Сибири и Дальнего Востока рубежа XIX–XX вв. выделено два основных компонента территориальной структуры этнокультурного пространства: 1) ядра культурных миров

с ИМН менее 0,2; 2) контактные зоны культурных миров разной степени выраженности (слабо выраженные – с ИМН от 0,2 до 0,4; ярко выраженные – с ИМН от 0,4 до 0,5; наиболее ярко выраженные – с ИМН свыше 0,5). Данный показатель вполне применим для картографического анализа собственно контактных зон, однако он имеет недостаток, а именно не позволяет увидеть соотношение удельного веса представителей метаэтнокультурных сообществ.

Поэтому в исследовании для выделения основных элементов этнокультурного пространства составлена картосхема, на которой отражены сразу две количественные характеристики (соотношение долей представителей двух рассматриваемых культурных миров и величина индекса метаэтнокультурной однородности). Данная картосхема является более информативной по сравнению с той, которая опирается исключительно на величину ИМН. Вторая картосхема, вместе с четкой визуализацией ядер обозначенных выше культурных миров, позволяет проследить в южной части Азиатской России широкий пояс с перевесом представителей восточноевропейского культурного мира, который уже в конце XIX в. протягивался без разрывов от Южного Урала до Приморья и Сахалина.

Исследование позволило определить территории расселения коренных народов Сибири и Дальнего Востока, в разной мере подвергшиеся европейской колонизации к концу XIX столетия. В наименьшей степени затронутой европейской колонизацией были земли, составившие ядро североазиатского культурного мира. Эти территории охватывали преимущественно ареалы расселения якутов, чукчей, коряков, ламутов (эвенов) и частично тунгусов (эвенков). Ареалы расселения таких народов, как самоеды (ненцы), обские остяки (ханты) и вогулы (манси), уже входили в пределы слабо выраженных контактных зон, характеризующихся значительным перевесом коренного населения. Ареалы расселения енисейских остяков (хантов), части самоедов (селькупов и нганасанов), бурятов, гиляков (нивхов), юкагиров и камчадалов представляли собой ярко выраженные контактные зоны, имеющие небольшой перевес коренного населения. Остальные коренные народы Сибири и Дальнего Востока к этому времени являлись меньшинством в населении административных единиц Азиатской России, будучи наиболее втянутыми в орбиту влияния восточноевропейского культурного мира.

Список литературы

Балахнина М. В. Освоение Сибири и Дальнего Востока как один из факторов трансформации России в евразийское государство (исторический экскурс) // Гуманитарные проблемы военного дела. 2018. № 2 (15). С. 11–14.

Буфетова А. Н., Коломак Е. А., Хржановская А. А. Национальное и религиозное разнообразие регионов Сибири // ЭКО. 2018. № 5 (527). С. 28–44. <https://doi.org/10.30680/ECCO0131-7652-2018-5-28-44>.

Воробьев В. В. Население Восточной Сибири (современная динамика и вопросы прогнозирования). Новосибирск : Наука, 1977. 160 с.

Воробьев В. В. Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы). Новосибирск : Наука, 1975. 260 с.

Кабузан В. М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М. : Наука, 1990. 256 с.

Кабузан В. М. Народы России в первой половине XIX в. Численность и этнический состав. М. : Наука, 1992. 216 с.

Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Советская этнография. 1955. № 4. С. 3–17.

Манаков А. Г. Трансформация этнического пространства России в XVIII–XIX вв.: историко-географический анализ // Изв. РГО. 2019. Т. 151, вып. 1. С. 17–28. <https://doi.org/10.31857/S0869-6071151117-28>

Манаков А. Г. Этнокультурное пространство России: структура и геодинамика с XVIII века. Псков : Псков. гос. ун-т, 2018. 208 с.

Пивнева Е. А. Коренные малочисленные народы Севера в поликультурном пространстве Западной Сибири: к проблеме этнической идентификации // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 68. С. 109–115. <https://doi.org/10.17223/19988613/68/15>

Стрелецкий В. Н. Этнические общности в геокультурном пространстве России (Историческая динамика и региональная структура) // Вестник исторической географии. 1999. № 1. С. 31–53.

Суций С. Я., Дружинин А. Г. Очерки географии русской культуры. Ростов-на/Д : Изд. СКНЦ ВШ, 1994. 576 с.

Теренина Н. К. Индекс этнической контактности как инструмент изучения территорий со смешанным национальным составом населения // Псковский региональный журнал. 2022. Т. 18, № 1. С. 101–116. <https://doi.org/10.37490/S221979310018427-2>

Томилов Н. А. Историко-этнографические общности или историко-этнографические области? // Вестник Омского университета. 2004. № 4 (34). С. 86–91.

Эккель Б. М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР // Советская этнография. 1976. № 2. С. 33–39.

Belozеров V. S., Cherkasov A. A. Regional features of shaping the ethnic structure in the Russian population // Science. Innovations. Technologies. 2017. N 3. P. 97–108.

Bezrukov L. A., Razmakhina Y. S. Transformation of the ethnic population of Eastern Siberia: post-Soviet trends // Geography and Natural Resources. 2021. Vol. 42, N 3. P. 232–240. <https://doi.org/10.1134/S1875372821030069>

Bufetova A. N., Khrzhanovskaya A. A., Kolomak E. A. Cultural heterogeneity and economic development in Russia // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2020. Vol. 13, Iss. 4. P. 453–463. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0582>

Campos N., Saleh A., Kuzeyev V. Dynamic Ethnic Fractionalization and Economic Growth // Journal of International Trade and Economic. 2011. Vol. 20. P. 129–152.

Casey G., Owen A. Inequality and fractionalization // World Development. 2014. Vol. 56. P. 32–50.

Churchill S. A. Income and Ethnic Fractionalisation: Evidence from British Microdata // Economic Issues. 2019. Vol. 24, part 1. P. 21–34.

Determining the area of ancestral origin for individuals from North Eurasia based on 5,229 SNP markers / I. Gorin [et al.] // Frontiers in Genetics. 2022. Vol. 13. P. 902309. <https://doi.org/10.3389/fgene.2022.902309>

Fearon J. D. Ethnic and cultural diversity by country // J. Econ. Growth. 2003. N 8. P. 195–222.

Fedderke J., Luiz J., de Kadt R. Using fractionalization indexes: Deriving methodological principles for growth studies from time series evidence // Social Indicators Research. 2014. Vol. 85. P. 257–278.

Koptseva N. P. Modern concepts of cultural sociodynamics in the context of research of the socio-cultural environment of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2016. Vol. 9, N 1. P. 68–78. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-2016-9-1-68-78>

Montalvo J., Reynal-Querol M. Why ethnic fractionalization? Polarization, Ethnic Conflict and Growth // UPF Working Paper. 2002. N 660. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=394926

Papyrakis E., Mo P. Fractionalization, polarization, and economic growth: identifying the transmission channels // Economic Inquiry. 2014. Vol. 52. P. 1204–1218.

Posner D. N. Measuring Ethnic Fractionalization in Africa // Amer. J. Political Sci. 2004. Vol. 48, N 4. P. 849–863.

Safronov S. Russian population ethnic structure: trends and transformations // Baltic Region. 2015. N 3 (25). P. 106–120. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2015-3-9>.

Streletsky V. N. Ethnic, confessional and cultural patterns of regionalism in the post-Soviet Russia // *Hungarian Geographical Bulletin*. 2017. Vol. 66, N 3. P. 219–233. <https://doi.org/10.15201/hungeobull.66.3.3>

References

Balakhnina M.V. Osvoenie Sibiri i Dalnego Vostoka kak odin iz faktorov transformatsii Rossii v evraziiskoe gosudarstvo (istoricheskii ekskurs) [The development of Siberia and the Far East as one of the factors in the transformation of Russia into a Eurasian state (historical digression)]. *Gumanitarnye problemy voennogo dela* [Humanitarian problems of military affairs], 2018, no. 2 (15), pp. 11–14. (in Russian)

Bufetova A.N., Kolomak E.A., Khrzhanovskaya A.A. Natsionalnoe i religioznoe raznoobrazie regionov Sibiri [National and religious diversity of Siberian regions]. *EKO*. 2018, no. 5(527), pp. 28–44. <https://doi.org/10.30680/ESO0131-7652-2018-5-28-44> (in Russian)

Vorob'ev V.V. *Naselenie Vostochnoi Sibiri (sovremennaya dinamika i voprosy prognozirovaniya)* [Population of Eastern Siberia (modern dynamics and forecasting issues)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1977, 160 p. (in Russian)

Vorobiev V.V. *Formirovanie naseleniya Vostochnoi Sibiri (geograficheskie osobennosti i problemy)* [Formation of the population of Eastern Siberia (geographical features and problems)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1975, 260 p. (in Russian)

Kabuzan V.M. *Narody Rossii v XVIII veke. Chislennost i etnicheskii sostav* [The peoples of Russia in the 18 century. Number and ethnic composition]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 256 p. (in Russian)

Kabuzan V.M. *Narody Rossii v pervoi polovine XIX v. Chislennost i etnicheskii sostav* [The peoples of Russia in the first half of the 19 century. Number and ethnic composition]. Moscow, Nauka Publ., 1992, 216 p. (in Russian)

Levin M.G., Cheboksarov N.N. Khozyaistvenno-kulturnye tipy i istoriko-etnograficheskie oblasti [Economic and cultural types and historical and ethnographic areas]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 1955, no. 4, pp. 3–17. (in Russian)

Manakov A.G. Transformatsiya etnicheskogo prostranstva Rossii v XVIII-XIX vv.: istoriko-geograficheskii analiz [Transformation of the ethnic space of Russia in the 18–19 centuries: historical and geographical analysis]. *Izv. RGO* [Izvestiya of Russian Geographical Society], 2019, vol. 151, iss. 1, pp. 17–28. <https://doi.org/10.31857/S0869-6071151117-28> (in Russian)

Manakov A. G. *Etnokulturnoe prostranstvo Rossii: struktura i geodinamika s XVIII veka* [Ethno-cultural space of Russia: structure and geodynamics since the 18th century]. Pskov, Pskov State University Publ., 2018, 208 p. (in Russian)

Pivneva E.A. Korennye malochislennye narody Severa v polikulturnom prostranstve Zapadnoi Sibiri: k probleme etnicheskoi identifikatsii [Indigenous peoples of the North in the multicultural space of Western Siberia: to the problem of ethnic identification]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Tomsk State University. History], 2020, no. 68, pp. 109115. <https://doi.org/10.17223/19988613/68/15> (in Russian)

Streletskii V.N. Etnicheskie obshchnosti v geokulturnom prostranstve Rossii (Istoricheskaya dinamika i regionalnaya struktura) [Ethnic communities in the geocultural space of Russia (Historical dynamics and regional structure)]. *Vestnik istoricheskoi geografii* [Bulletin of Historical Geography], no. 1. Smolensk, SGU Publ., 1999, pp. 3153. (in Russian)

Sushchii S.Ya., Druzhinin A.G. *Ocherki geografii russkoi kultury* [Essays on the geography of Russian culture], Rostov-on-Don, SKNTs VSH Publ., 1994, 576 p. (in Russian)

Terenina N.K. Indeks etnicheskoi kontaktnosti kak instrument izucheniya territorii so smeshannym natsionalnym sostavom naseleniya [The index of ethnic contact as a tool for studying territories with a mixed national composition of the population]. *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov Journal of Regional Studies], 2022, vol. 18, no. 1, pp. 101116. <https://doi.org/10.37490/S221979310018427-2>

Tomilov N.A. Istoriko-etnograficheskie obshchnosti ili istoriko-etnograficheskie oblasti? [Historical and ethnographic communities or historical and ethnographic areas?]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University], 2004, no. 4 (34), pp. 8691. (in Russian)

Ekkel B.M. Opreделение indeksa mozaichnosti natsionalnogo sostava respublik, kraev i oblastei SSSR [Determination of the mosaic index of the national composition of the republics, territories and regions of the USSR].

ries and regions of the USSR]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 1976, no. 2, pp. 33-39. (in Russian)

Belozero V.S., Cherkasov A.A. Regional features of shaping the ethnic structure in the Russian population. *Science. Innovations. Technologies*, 2017, no. 3, pp. 97-108.

Bezrukov L.A., Razmakhina Y.S. Transformation of the ethnic population of Eastern Siberia: post-Soviet trends. *Geography and Natural Resources*, 2021, vol. 42, no. 3, pp. 232-240. <https://doi.org/10.1134/S1875372821030069>

Bufetova A.N., Khrzhanovskaya A.A., Kolomak E.A. Cultural heterogeneity and economic development in Russia. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2020, vol. 13, iss. 4, pp. 453-463. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0582>

Campos N., Saleh A., Kuzeyev V. Dynamic Ethnic Fractionalization and Economic Growth. *Journal of International Trade and Economic*, 2011, vol. 20, pp. 129-152.

Casey G., Owen A. Inequality and fractionalization. *World Development*, 2014, vol. 56, pp. 32-50.

Churchill S.A. Income and Ethnic Fractionalisation: Evidence from British Microdata. *Economic Issues*, 2019, vol. 24, part 1, pp. 21-34.

Gorin I. et al. Determining the area of ancestral origin for individuals from North Eurasia based on 5,229 SNP markers. *Frontiers in Genetics*, 2022, vol. 13, p. 902309. <https://doi.org/10.3389/fgene.2022.902309>

Fearon J.D. Ethnic and cultural diversity by country. *J. Econ. Growth*, 2003, no. 8, pp. 195-222.

Fedderke J., Luiz J., de Kadt R. Using fractionalization indexes: Deriving methodological principles for growth studies from time series evidence. *Social Indicators Research*, 2014, vol. 85, pp. 257-278.

Koptseva N.P. Modern concepts of cultural sociodynamics in the context of research of the socio-cultural environment of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2016, vol. 9, no. 1, pp. 68-78. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-2016-9-1-68-78>

Montalvo J., Reynal-Querol M. Why ethnic fractionalization? Polarization, Ethnic Conflict and Growth. *UPF Working Paper*, no. 660, 2002. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=394926

Papayrakis E., Mo P. Fractionalization, polarization, and economic growth: identifying the transmission channels. *Economic Inquiry*, 2014, vol. 52, pp. 1204-1218.

Posner D.N. Measuring Ethnic Fractionalization in Africa. *Amer. J. Political Sci.*, 2004, vol. 48, no. 4, pp. 849-863.

Safronov S. Russian population ethnic structure: trends and transformations. *Baltic Region*, 2015, no. 3 (25), pp. 106-120. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2015-3-9>

Streletsky V.N. Ethnic, confessional and cultural patterns of regionalism in the post-Soviet Russia. *Hungarian Geographical Bulletin*, 2017, vol. 66, no. 3, pp. 219-233. <https://doi.org/10.15201/hungeobull.66.3.3>

Сведения об авторе

Манаков Андрей Геннадьевич
доктор географических наук,
профессор кафедры географии
Псковский государственный университет
Россия, 180000, г. Псков, пл. Ленина, 2
e-mail: region-psk@yandex.ru

Information about the author

Manakov Andrei Gennadievich
Doctor of Sciences (Geography),
Professor of the Department of Geography
Pskov State University
2, Lenin Square, Pskov, 180000,
Russian Federation
e-mail: region-psk@yandex.ru